

Научное исследование систем родства первичной формации начинается с открытия Л. Г. Моргана, установившего, что в отличие от систем родства вторичной формации первобытные системы носят не индивидуальный, а групповой или классификационный характер. Вторичные системы Л. Г. Морган объединил в один арийский (европейский. — П. Б.) тип, а классификационные разделил на два самостоятельных типа — малайский и турано-ганованский, основываясь на принципах слияния/разграничения линий родства, выражающихся в различии в терминологии родства. Например, в малайской системе первое восходящее поколение представлено одним мужским термином, объединяющим отца, брата отца и брата матери, тогда как в турано-ганованской это поколение представлено двумя терминами: отец отождествляется с братом отца, но отграничивается от брата матери. Этим было положено начало эволюционному подходу к изучению систем родства, в рамках которого малайская система рассматривается как наиболее древняя, исходная. Впоследствии было предпринято несколько попыток усовершенствовать моргановскую схему за счет увеличения количества типов и/или пересмотра последовательности их возникновения. В этом плане наиболее репрезентативной кажется типология М. В. Крюкова, в известной степени синтезирующая собой результаты, полученные западными предшественниками.

Принцип локальности

Согласно выкладкам М. В. Крюкова, древнейшей является не гавайская (по-старому, малайская), а ирокезская, или австралийская (турано-ганованская), система, из которой развиваются две особые системы — гавайская и арабская (напомним, что Л. Г. Морган относил арабскую систему к числу арийских), чтобы затем обе ветви сошлись между собой в виде английской (арийской) системы родства [Крюков 1972 : 39, 64]. Следуя западной традиции, он также выделил несколько подтипов, сочетающих в себе попарно черты четырех основных систем [там же: 64]. Обозначения упомянутых типов систем родства с помощью этнонимов соответствуют специальные термины, указывающие на отдельные признаки: бифуркативно-слившийся (ирокезский), генерационный (гавайский), би-

фуркативно-коллатеральный (арабский), линейный (английский) [Крюков 1995 : 135]. Предлагаются и другие варианты обозначения основных единиц генеалогической (исторической) типологии систем родства, но, ввиду того что выбор признаков, считающихся теми или иными авторами существенными, по существу имеет случайный характер, сопоставлять между собой различные типологии или ориентироваться в них становится просто непосильной задачей для читателя, не являющегося членом этого узкого круга исследователей.

Поправки, внесенные в эволюционную схему Л. Г. Моргана, скорее отдаляют нас от реальности, чем приближают к ней. К тому же исследователи, занимающиеся системами родства, уже давно отказались от эволюционного подхода, предпочитая говорить не об эволюции систем родства, а о «трансформации СТР». Классификация Л. Г. Моргана построена на дихотомии первичной и вторичной формации (в этом состоит идея эволюционизма в своей исходной форме), в то время как современные ученые, считающие себя его последователями, отрицают принципиальность этого разделения, обнаруживая, реально или нет, линейные терминологии родства у многих групп охотников и собирателей (бушменов, андаманцев, семангов, эскимосов) [Дзибель 2001 : 231]. Причина такого противоречия кроется в самом эволюционном подходе. Его главный недостаток заключается именно в том, что анализ ограничивается системами терминов родства. С этой точки зрения стоит обратить внимание на весьма поучительный факт «семантического сдвига», который произошел со времен Л. Г. Моргана. Типология М. В. Крюкова, принимаемая в нашей науке в качестве эталона, трактуется как типология *систем терминов родства* [Попов 1990 : 148]. Между тем вклад Л. Г. Моргана всегда рассматривался в качестве отправной точки изучения *систем родства* [Крюков 1972 : 27].

Для «алгебры родства» такая «болезнь языка» означает предельную схоластизацию исследований, когда результатом выступают корреляции явлений, корреляции корреляций явлений и т. п. Утверждение, что исследование должно строиться от систем терминов родства к системам родства [Попов 1990 : 148], порочно по своей природе. Как возможно понять целое, исходя из принципов работы одной из его частей, и как возможно знать принципы работы этой части, т. е. *знать, что мы знаем* эти принципы, совершенно не понимая, как работает

целое? Как известно, прежде чем приниматься за частные задачи, необходимо решить общую задачу.

Безусловно, монография Г. В. Дзибеля «Феномен родства» (2001) по своей сверхзадаче объять всю существующую на тот момент литературу по формальному описанию систем терминов родства («текстов» родства) является вершиной подобных исследований в рамках «алгебры родства» как научной парадигмы. Основополагающих идей здесь две. Во-первых, если мы ограничиваем себя изучением терминологии родства, необходимо использовать чисто лингвистические методы (родство как особый язык). Сам термин «трансформация», заменивший термин «эволюция», заимствуется из структуральной лингвистики [Дзибель 2001: 29]. Во-вторых, если мы фактически отказываемся от эволюционного подхода, структурный подход становится актуальным сам по себе, по правилу исключенного третьего. В данном случае выражением этого подхода является создание иденологической типологии систем терминов родства, противопоставляемой общепринятой генеалогической. Под иденологической типологией («иденоним» в значении «термин родства») понимается выделение синхронических типологических единиц, или основных мотивов, классификационного родства: взаимная терминология, генерационно-скошенная терминология (модели кроу и омаха), генерационно-скользящая терминология, кумулятивная терминология, редупликативная и рекомбинативная терминологии [Дзибель 2001: 42—63, 173—222]. Однако на практике понятие структурного подхода отождествляется им с собственно лингвистическим анализом, что неудивительно, поскольку для него объектом исследования остается терминология родства.

Иденологическая типология — это лингвистическая типология родства, так же как и противопоставляемая ей генеалогическая. Когда Г. В. Дзибель говорит о согласовании иденологической и генеалогической типологий, он на самом деле согласовывает два способа записи одной и той же типологии — с помощью терминов, образованных от этнонимов, и с помощью терминов, обозначающих различные формы слияния/разграничения альтеров. В результате возникает модификация эволюционистской типологии систем терминов родства, принципиально ничем не отличающаяся от типологии М. В. Крюкова. Новая книга Г. В. Дзибеля «The Genius of Kinship» (2007), представляющая собой значительно сокращенный и с точки

зрения организации текста более совершенный вариант его первой книги, фактически ставит своей целью перевод концепции М. В. Крюкова с языка исследований по «этногенезу» на язык исследований по культурному «антропогенезу» в рамках американской научной традиции [Dziebel 2007 : 141, 145].

Качественное отличие классификационных систем, в частности австралийских, состоит в сквозном счете родства, охватывающем *целое* сообщество. В данном случае функционирование (исполнение) классификаторской системы совпадает с созданием некоторого относительно замкнутого сообщества, центром которого выступает эго (говорящий). Каждый, с кем данный индивид вступает в контакт, рассматривается как носитель определенной степени родства, что предполагает наличие неких стандартов взаимного поведения. Термины родства, будучи символами, выступают в роли моделей поведения и способа решения задач в содержательной сфере повседневной жизни (регулирование посредством предписаний/запретов брачных соглашений, обмен ценностями и средствами существования, порядок наследования).

Означает ли стремление распространить термины родства на общество в целом, что австралийцы увеличивают число терминов родства, описывая в деталях отношение каждого к каждому? По мнению Элькина, экономия терминологических средств происходит путем «растягивания» семьи до размеров «племени». Но дело в том, что семья (семейное родство) в нашем понимании слова возникает как раз на развалинах классификаторских систем родства. Поэтому, скорее наоборот, в процессе эволюции классификационная система сузилась до размеров семьи.

Обозримость классификаторских систем родства достигается за счет ограниченного множества индивидов, с которыми индивид вступает в контакт в течение всей жизни. По наблюдениям полевых исследователей, абориген Австралии встречал и знал лично примерно 500 человек. При этом он отмечает, что эта цифра, полученная эмпирическим путем, соответствует «магическому» числу 500, по мнению некоторых австраловедов, составляющему средний размер австралийского «племени» [Роуз 1989 : 57, 58, 200—203].

Цифра 500 достаточно высокого порядка, поэтому проблема классификации отношений не снимается полностью. Необходимы дополнительные инструменты. В качестве таковых выступают два взаимоопределяющих фактора. Во-первых,

нетрудно заметить, что функции родства (социальные обязанности) имеют парный характер: отец—дети, дед—внук, брат—брат, дядя—племянник, причем число этих функций («мотивов») ограничено. Число терминов сокращается за счет так называемой взаимной терминологии родства (принцип реципрокности), которая большинством исследователей рассматривается как базовая [Дзибель 2001 : 193]. Во-вторых, речь идет не о классификации индивидов, а о классификации групп индивидов по именам родства: «отцы», «матери», «сыновья», «братья», «сыновья сестры» и т. п. Это делается введением принципа эквивалентности сиблингов. Возникает вопрос: как функционирует принцип эквивалентности сиблингов? Ответ в том, что он отражает единство локальной принадлежности, пронизывая собой все ярусы родства (поколения). Этот принцип может применяться не только по горизонтали, но и по вертикали (лица различных поколений соединяются одним и тем же термином как по прямой, так и по боковой линии). Следовательно, классифицируются не индивиды, а *локальные группы*.

Это означает, что при условии замкнутости (эндогамности) классификаторских систем минимальной работающей структурой являются две взаимобрачные (экзогамные) локальные группы при существовании обычая обмена сестрами. Элькин поясняет это следующим образом: «...мой отец, его братья и сестры, а также дети его братьев — все принадлежат к одной „стране“, одному локальному подразделению племени, тогда как моя мать и ее брат, а также его дети принадлежат к другой „стране“. Это различие отражается в использовании по отношению к ним особых терминов, а именно: „отец“ и „сестра отца“ для одной группы, „мать“ и „брат матери“ — для другой» [Elkin 1956 : 55]. В другом месте, описывая систему родства унгариньин, Элькин специально отмечает, что нам может показаться странным обозначать одним и тем же термином говорящего, его отца, отца отца, сына и сына сына, но аборигены, выражаясь в этих терминах, указывают не на индивидов, а на локальные патрилинейные группы, которые находятся в определенном отношении к эго. Речь идет о клане «брата матери» или «брата матери матери» и т. д. И при заключении брачных соглашений учитывается не столько степень родства жены, сколько группа, к которой она принадлежит [Elkin 1956 : 60].

Элькин формулирует четыре принципа классификаторских систем родства: 1) экстраполяция терминов родства, обознача-

ющих ближайших родственников, членов отдельной семьи; 2) эквивалентность сиблингов; 3) терминологическое противопоставление линий отца и матери, детей братьев и сестер; 4) отсутствие терминологического разграничения отношений родства и свойства [Elkin 1956 : 54—56].

Из этих четырех принципов, указанных Элькиным, таковым является только принцип эквивалентности сиблингов. Принцип экстраполяции вступает в противоречие с принципом эквивалентности сиблингов и является фиксацией не эмпирического факта, а умозаключения, причем неверного. Что же касается терминологического разграничения (*бифуркации*) детей братьев и сестер и синонимичности (*слияния*) терминов свойства и родства, то эти факты являются не принципами, а следствиями принципа эквивалентности сиблингов, принципа локальности, принципа замкнутости пространства родства. Два последних можно рассматривать в качестве предпосылки принципа эквивалентности сиблингов. Надо сказать, что у Элькина 3-й пункт соответствует принципу локальности (он указывает на то, что противопоставление потомков брата потомкам сестры связано с фактом их принадлежности к разным локалям).

Проблема использования моделей родства за пределами «круга знакомств» (своего пространства), о которой упоминает Элькин, говоря об использовании классификационных систем в рамках большого племени или их наложении на представителей чужих племен [Elkin 1956 : 54], возникает только в случае, если мы признаем достоверность принципа экстраполяции «семейных» терминов родства на большие группы людей (использование семьи в качестве модели племени). В реальности введение чужака в общую схему родства происходит на основе достаточно простых операций. Элькин описывает случай, которому он сам был свидетелем. Если никто из присутствующих не прослеживает никаких родственных связей с пришельцем, в расчет принимаются его относительный возраст, тотемическая аффилиация, принадлежность к определенной локальной группе или социальному подразделению. Последнее подразумевает довольно сложный «перевод» с языка чужой системы родства со всеми составляющими на местную систему. Если же все эти попытка оканчиваются неудачей, чужак рассматривается как брат представившего его индивида (видимо, проводник Элькина и его поручитель были примерно одного возраста), что является точкой отсчета при установлении взаимных обяза-

тельств с членами данного локального сообщества [Elkin 1956 : 57, 58]. Таким образом, практика родства основана на принципе локальности. Принцип эквивалентности sibлингов является его прямым следствием.

Насколько далеки от реальности общепринятые процедуры исследования классификационных систем родства, можно судить по замечанию Станнера о том, что аборигены муринбата, помогая исследователю конструировать генеалогии, на самом деле мыслят не генеалогически. «Что они делают, — писал он, — так это указывают на связь между женщинами и их детьми, поскольку вступление в брак с мужчиной подразумевает выполнение условия, при котором мужчине обеспечивается возможность заявлять права на потомство данной женщины. Патрилинии муринбата есть не что иное, как отражение политических и юридических прав, возникающих на основе духовных агнатных связей» [Stanner 1989 : 33, 34].

Концепция Дж. Мёрдока, изложенная в книге «Социальная структура» (1949), выгодно выделяется на общем фоне интуитивно более правильным пониманием структурного подхода, подразумевающего локальный характер классификационных систем родства. Речь идет о его попытке классифицировать системы терминов родства в их соотношении с социальной организацией в широком смысле слова, включая формы брака и локальной/клановой организации [Murdock 1949]. Проследивание связи систем терминов родства с другими формами социальной организации делает предмет нашего исследования именно системы родства. Но как осуществить этот процесс «проследивания» на практике? Ответ заключается в графически правильном изображении систем родства, классификационных или неклассификационных (т. е. систем родства европейского типа). Иначе говоря, связь между терминами родства и элементами социальной организации должна быть видна на соответствующей диаграмме.

Диаграммы родства

В австраловедческой литературе опыт создания таких графических систем, сочетающих в себе элементы графического и словесного (буквенного) описания, существует со времен А. Р. Рэдклифф-Брауна, который, пользуясь этим кодом, на-